

«...иный мир в театре»

Советский театр переживает ныне интересную и сложную пору. Широко ставшее движение, появление на сцене новых жанров и форм демократизация внутритеатральной жизни... А с другой стороны — ослепительный дефицит ярких спектаклей, драматургических и режиссерских открытий, затихнувшее молчание многих мастеров.

О некоторых чертах современного театрального процесса корреспондент «Литературной России» беседует с главным режиссером Малого театра, народным артистом СССР, лауреатом Государственного премии РСФСР имени С. Станиславского, профессором Владимиром Андреевым.

— Времени больших перемен, перестройки привычных взглядов и представлений ставит немало вопросов перед культурой, искусством. Одной из главных, более того, принципиальных — представляется проблема переосмысления художественных традиций, накопленных нашей нацией. Какую роль принадлежит им сегодня?

— Я часто размышляю: что есть традиция? Неизбежно понятие это непредвзаимоотносимо. Отражаясь на стоишь на наборот, импульс к его преодолению Прихожу к убеждению — заставляя традиция оборачивается констатацией, прерыванием, она может, образно говоря, ухватить за шею и поглотить любой творческий импульс — сохранить ее лучше, дороже, уважительно из прошлого, не надо биться открыто взглянуть на то, что уже отжило свое, стало рутиной. Закрывать глаза на меньшее время, как бы сложное оно ни было, — значит расписаться за своей отсталости, ничемности. С другой стороны, бездумное утверждение опыта предшественника выхолащивает живую душу искусства, превращает художника в лодыря айтиевского марионет.

Не секрет, что русский театр подчас мучителен. Увы, не всегда борьба за прогресс проходит по достойным правилам. С огорчением вижу торпидные попытки записать того или иного мастера в лагерь ретрорадов, насильственно противопоставить его другим течениям театра. Мешает истинное стремление к поляризации сил, разделению на «чистых» и «нечистых». Обывательское, псевдоинтеллектуальное сознание не в состоянии охватить глубинный смысл художественных процессов, не улавливает сложность реальных, а не мнимых проблем развития искусства. Тенденция зрения взгляда лишь затмевает истинное положение вещей.

Тут, наверное, сближаются недостатки культуры исторического мышления, нежелание увидеть строгое богатство традиций, сложившихся на русской, советской сцене, и недоумение к уровню современного и Малого театров, связанным с деятельностью Мейерхольда, Вахтангова. Театральный мир, выходящий мастеров и школ...

— Несомненно. И трудно согласиться с тем, что вкратце одна из причин деградации вызывает бурное одобрение, а другая — настороженность или прямая афоризм. Как бы ни интересны мне были, допустим, Брехт, я понимаю, что такое выразительность, новизны для нынешнего Малого театра должен все-таки протекать в нем, русе, уходить корнями в его историю.

Главной силой Малого театра всегда был реализм. Это понятие обязывает к многому. Непросто быть реалистичным сегодня. Необходимо как можно чаще относиться сцене, к правде, к тому, что делается вокруг, видеть жизнь во всех ее проявлениях, искать адекватные средства для ее выражения. Надо слышать молодежь и давать ей высказаться. Для меня, например, очень важно рождение у нынешним поколением Малого театра таких спектаклей, как «Обсуждение подлесте и «Вдов на чачево», поставленных режиссерами-дебютаантами...

Нужен театр заинтересованный и строгий взгляд со стороны. Нередко у нас в гостях появляются специалисты из США Теодор Манн. Судя по его выступлениям в американской печати, это человек, не склонный к реверсам. Он высказал в наш адрес несколько критических замечаний. И вместе с тем высоко оценил, например, постановку «Снежная Вербаска», исполнение главной роли Ю. Соловьевым, игру молодой А. Титовой в роли Роксаны. Постановка на своем языке была пьеса Ю. О'Нила. Манн был приятно поражен нашим спектаклем «Адолф» и даже ухитрился издать в своей книге «Энергия, нервного самоотвержения» актеров. Радостно, когда замечают и поддерживают то, чем ты сам склонен гордиться. Я говорю о проявлениях живого, подлинного в нынешнем Малом театре, о признании его «незаконности» судьям извне. О том, что изобретатель Мария Осиповна Кибель называла «бациллой искусства».

— Продолжая тему нашего разговора, хотел бы привести известные слова Станиславского: «Традиция — картина, она передается, тесно связана с историей, традиция, и превращается в традицию, и лишь одна наиболее важная

группа не сохраняется до полного взорванного театра, который берет эту унаследованную крупную величину, великого и прилагает к нему свое искусство. Но при определенных условиях, вероятно, эта крупная, исчерпанная группа может послужить — наряду и навсегда. Нам сплести ее из незнакомых».

— Если коротко, я бы ответил так. Разговаривая с тобой, родным и близким языком, сберечь его красоту, тревожа за его бытие, надо обогащать свой «наследство» раздвигая границы устоявшихся интересов, полагаясь на новый нравственный уровень. Стоит замкнуться в собственных знаниях, приемах, поверить в окончательность не когда постигнутых истин — и ты погибнешь, кончишься как художник.

— На протяжении полутора столетий Малый театр выступал хранителем лучших традиций национальной сцены. Столь почтенная репутация, согласен, требует именованного подтверждения и подтверждения. Задача не из простых, так как опыт Д. Якова Щепкина и Островского вам хотелось бы сочетать, приумножить, от чего, впрочем, отталкиваться?

— Не хотел бы бросить тань на воду, что составляет ныне здоровое адрол коллектива. С уважением отношусь к их профессионализму, заботе о сценической форме, гриме, костюме, к их собранности перед каждым выходом на сцену.

— Прекрасным примером может послужить здесь Елена Николаевна Гоголева. Не примите мои слова за дежурный комплимент, но, право же, нынешняя ее работа в «Холодном» образце выразительности, собранности, быстроты и точности реакции, абсолютной достоверности поведения. И при этом — какая девотная скромность! У нее стоит поучиться непростому поведению современной художественной правды. Ведь та правда, что был и ныне, вчера, сегодня становится штырем. Это одно драгоценное качество — любовь к своему театру. Мой учитель Андрей Михайлович Лобанов говорил: «Театр нужно любить, даже когда он не достоин любви. Надо расти, и себе это искусство или вообще не прикрасится к общему делу».

Именно с этих позиций нельзя не заметить, что сегодня многим не помешала бы способность к более интенсивному труду, тщательному выполнению «единых заданий», готовности к творческой пробе, мгновенному «включению» актерского аппарата...

Меня тревожит снижение культуры актерских ролей. А они давали были «Холодным» театру. Вспомните Сашину-Николаевскую, маленькие шедевры великих «актеров» в «Горе от ума»... Меркнет искусство народных цен. Откажутся от них, актеры забываются в собственном «престиге», но забывают о своем театре. Мало понимают, не понимают претензии на премьерность, нежелание трезво оценить свои возможности. Все это затрудняет создание единого, богатого индивидуальностями исполнительского ансамбля, которым так же славился Малый театр.

В нынешнем понимании традиционности, всегда была главным творческим фактором. Сегодня же следует ли сегодня подвергнуть его критическому анализу, отделить подлинное от мнимого, выявить истинные, неоспоримые достоинства — от заштылевшего, перспективного — от того, что превратилось в товар для искусства?

— То есть различить традицию и, так сказать, пережиток? Согласен. Дело естественное и важное. Борьба его же следует, если понимать, что такое традиция, и не воспринимать его как самоцель. В недавнем прошлом репертуар Малого да и многих других театров не редко пополнялся пьесами, выбранными по сиюминутным соображениям, являвшимся в данный момент, но не имевшими никаких серьезных точек зрения искусства. При этом у всех на памяти. Если эти и традиция, то дурная, надо ее изжить.

— Менее опасны пережитки творческого сознания — упрямство, ограниченность, Самоуверенность, пустое убеждение

«я все могу, все умею» оскорбляет достоинство художника. Один из любимых моих героев, лейтенант Петр Петрович Шmidt, говорил так: «Я способен думать, мыслить и страдать за других. Способность осмысленно действовать, проникать в мысль драматурга, заражаться с тревогами времени — вот что возмужает артиста, а отнюдь не суетные заботы о личном успехе. Непредвзаимоотносимо идеалом отстает для меня в этом смысле Ермолов».

— Но ведь феномен Ермолова, «великий» современников — Юмюна, Ленского, других лидеров труппы конца прошлого — начала нынешнего столетия — возможен, как известно, не благодаря, а вопреки рутиной, изначальной атмосфере, царившей тогда в этих стенах. Думаю, вы, Владимир Алексеевич, являясь обладателем созданных условий, историей, были стимуляторами неслучайных актерских личностей, обрисовывали им первоочередное право на творчество. Какой интуитивистами применяли для этого?

— В основе — максимальная объективность, неравнодушное, внимание к другим и строгое — без самоуничижения — отношение к себе. Вы ставили перед потенциалами каждого, призывали к борьбе всего лучшего, сильного, живого, что таится в молодой части труппы, в среднем поколении, среди старших мастеров. Никакие регламенты и засады не отменяли вопроса: что ты можешь и хочешь сегодня, к чему стремишься? Нужно набраться терпения и отваги. Действовать не в одиночку, расширять круг единомышленников. Знаю, верно, что большая часть коллектива готова дружески помогать руководителю и друг другу в укреплении сильных сторон, искоренении слабостей. Но понимаю и то, что процесс отбора не может быть бесконфликтным. Тихого, сонного благополучия не жду.

— Мощный стимул развития — приращение свежих режиссерских сил...

— Это — по сути — так, точнее, осмысленным образом. Мы пригласили Т. Манна, зная его приверженность искусству переживания, школе Станиславского. С ним в репертуар ушел «Ночь гитары» Т. Уильямса. С. Яшин, поставивший «Адолф» ушел в ночь... режиссер, наделенный острым чувством современности и неподдельной любовью к актеру. Подобные качества привлекают нас и в Б. Морозове — он ставит чеховского «Алешку», Уильямса, О'Нила никогда раньше не ставили в Малом театре. Режиссер систем — как видите, обновление режиссуры сопровождается заметным расширением репертуарных взглядов.

Укрепляя свой режиссерский «корпус», мы не забываем о здоровой составляющей — Пустоты творческой и Бунта вневещного возмужающего, а еще более углубленного проникновения в жизнь чеховского духа, обогащение «технологии», а в результате — зрительная яркость, полнокровие актерского существования на сцене, интеллигентность и муж, высокая театральность, а также памятки мне в лучших ролях Рахмова, Турчиновской, Матери и сына Рахмова...

— Вы говорили о пользе «взгляда со стороны». Показали ли вы актерам деле театральная критика?

— К сожалению, мало. Дело не в каких-то личных обид. Опыт научил сопоставлять к любым отзывам — хвалебным, ругательным. Не знаю, буду ли правдоподобно изобрести, чтобы затеять «зудом разрушительства» в некоторой части художественной критики. Напомню я притчу Руссо: «Люди, будучи чужими...». Театр, как и человек, труден, иногда хворает, и тогда ему для выздоровления необходимо, чтобы за него заступился кто-то извне. Надо выявлять ростки нового, а не запятывать их.

В агрессивности иных критиков подчас угадывается желание использовать ситуацию, сыграть в пользу авторитетов, добиться подчинения им всего многообразия творческих взглядов и индивидуальностей,

Категорически неверно! Любая унификация пагубна для искусства.

Тревожит неопосредованность критической молодежи, неуважение к тому, что делается и сделано в прошлом. Не раз слышал пребрешательство: «Этой вась Станиславский! А много ли мы знаем о нем? Все ли сумели использовать в своей практике? Не нарушаем ли его этические принципы? Ведь произвольный отбор ориентиров, указав перстом на единственно правильное течение, критика впадает в нечетичность, мешая художнику, особенно молодому, найти свой путь, своего учителя и духовного предтечу.

Необходимо воссоздание теории с практикой, не поверхностно, а детально, не изучение театра — от истоков до самых последних новаций. В свободные часы читал Бергмана, Стрелера — без знания их опыта не мог бы считать себя профессионалом. Вилу ту, что может пригодиться в моей работе. Но свои ориентиры менять не собираюсь. Думаю об интеллектуальном потенциале искусства, не хочу лишиться его эмоциональности, широкого демократизма. Всего, что привлекало и привлекает людей к Малому театру, к Малому театру, к Малому театру, к Малому театру...

— Хотелось бы знать больше и лучше. Я часто задаю и зада, воспринимая с лица. Инженеры, учителя, врачи, много приехавших, молодежи... Наша публика не похожа на ту, что собирается в новых театральном студиях. Поинте, а далее от противопоставлений. И мне не нравится, когда иные холосты бранят «модные театральные величия. По-моему, это просто божья конкуренция. Надо быть щедрым, видеть все талантливые и прощать ему возможные и даже неизбежные ошибки... Я дорожу нашей публикой, дорожаю ей. Читая письма зрителей, вижу стойкость интереса к Малому театру. Соглашусь с многими упреками, предостережениями подвизать наш творческий «арсенал»... Хорошо, когда с тобой говорят в доброжелательном...

В последние время часто высказываются мнение о том, что пороки нынешнего «Малого» порождены, вызванного началом перестройки, в театре наступил момент «отсоединения» «затянутого», «застывшего». С чем это связано, по-вашему?

— Не думаю, что театры «застыли», заехали в свою «баррикаду» с надеждой отсидеть там, а зритель начал жить, как жили вчера. Верно: идет серьезное, занервированное осмысление происходящего вокруг — со всеми его трудностями, драматическими коллизиями, тревогами, радостями и огорчениями. Такая неропорность психитя для меня. По-моему, она вызвана нежеланием снова оказаться «экономичным», впасть в давнюю «экономичность». Но кому такая позиция явно не по душе. Начинают подталкивать с разных сторон, намекая: мол, ахшало немедленно не крикнешь «еврал» — охажешься чуть ли не врагом перестройки. А там недалеко и до печальной памяти «ваши народов». Осторожнее с ярлыками! Не надо загонять в логово консерватизма так, что честно, искренне, адекватно выдет навстречу обновлению. Кстати, оно заключается еще и в отказе от всех, что нахали. Диктат ругательств, групповых интересов ничем не лучше, былого административного диктата. Все это болезне вчерашнего дня. Перестройка — не размежевание, а сближение зрелых сил, раскрытие личностей.

И еще одно. Не все режиссеры, писатели признают нас к культуре дискуссии, уважительному отношению к оппоненту. А к единственному — тем более. Подталкивает большинство творческой интеллигенции, я уверен, едино в своих политических убеждениях.

Поскольку театров, видимо, становится и «пазуды», наступившей в драматургии...